

УДК 904

С.В. ЗАХАРОВ

(zakharidze-sergo@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ПИСАРЁВКА-II*

Представлены результаты исследования погребений позднесарматского времени нижневолжского курганного могильника Писарёвка-II. Классифицированы погребальные сооружения, костяки погребённых и могильный инвентарь исследуемых погребений. Выявлены редкие и характерные для эпохи черты комплекса. Дана общая датировка рассматриваемого комплекса.

Ключевые слова: сарматы, позднесарматская культура, Нижнее Поволжье, классификация, погребальные сооружения, костяк погребённого, погребальный инвентарь.

Курганный могильник Писарёвка-II расположен в Иловлинском районе Волгоградской области и сочетает в себе погребения разных археологических культур – от общностей бронзового века до поздних кочевников средневековья. Первые охранные раскопки этих курганов были проведены в 1999 г. Донской экспедицией археологической лаборатории НИС ФГБОУ ВО «Волгоградской государственной социально-педагогический университет» под руководством В.И. Мамонтова. За весь период до 2018 г. было исследовано 29 курганов, в которых было обнаружено 43 погребения, 22 из которых В.И. Мамонтов определил к сарматской культуре [12–14], что позволяет считать её одной из основополагающих данного археологического памятника.

Тем не менее, историография изучения сарматских памятников Писарёвки-II скудна. Из комплексных исследований по данному памятнику можно отметить только статью В.И. Мамонтова с полным анализом сарматского кургана № 6 [24]. Также можно выделить монографию И.П. Засецкой, где автор включила бронзовую пряжку со сценой терзания пантерой верблюда из погребения № 2 кургана № 6 в свое исследование [9, с. 107, 148–149].

Таким образом, большая часть сарматских погребений из Писарёвки-II не только не подвергалась анализу, но и не была введена в научный оборот. Учитывая это, также общий интерес к сарматской проблематике Нижнего Поволжья [см., например, 2, 3], наличие в рассматриваемом памятнике обширного материала сарматской культуры, было принято решение изучить ранее неопубликованный В.И. Мамонтовым материал, провести анализ позднесарматских погребений, выявить общие и особенные черты эпохи и классифицировать находки.

Исследования позднесарматских погребений в курганном могильнике Писарёвка-II проводились в 2016–2018 гг. Донской экспедицией научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ФГБОУ ВО «ВГСПУ». Они были выявлены в составе курганов № 20, 22, 23 и 28. Во всех случаях погребения были основными и единственными в кургане.

Курган № 20.

Погребение № 1. Большое пятно могильной ямы ромбовидного очертания с закругленными углами, ориентированными по сторонам света (см. рис. 1.1 на с. 92). Скелет человека отсутствует. Возможно, погребение-кенотаф [22].

Могильный инвентарь:

1. Фрагменты тонкостенного горшковидного сосуда ручной лепки с широким туловом и уплощенным дном. Короткая горловина заканчивается широким венчиком, край которого направлен наружу. Поверхность тулова светло-серая с пятнами копоти. Глина в изломе темная с незначительной примесью песка. Диаметр венчика 9,6 см, диаметр дна 6,4 см, высота сосуда 13,4 см (см. рис. 1.2 на с. 92).

* Работа выполнена под руководством Гушиной А.А., старшего лаборанта НИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ», соискателя ученой степени кандидата исторических наук при отделе скифо-сарматской археологии ИА РАН, старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования Института исторического и правового образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

2. Кремневое орудие из гальки овального очертания. Длина орудия 6,2 см, наибольшая ширина 3 см (см. рис. 1.3).

3. Железный однолезвийный нож с волокнами дерева от накладок рукояти на черенке. Длина 12,7 см, ширина клинка у основания 2,2 см (см. рис. 1.4).

4. Разбитое зеркало из «белого металла» – круглый медальон с прямоугольной петлёй (отверстие для подвески имеет диаметр 0,6 см) и рельефным валиком по краю диска. Диаметр 4,8 см. В центре диска, он подчеркнут полусферической «точкой», рельефно выделяется окружность (диаметр 0,8 см), от которой ко второй, большей окружности (диаметр 4,4 см) отходят 8 прямых лучей. Четыре из них заканчиваются «овами» [22]. Толщина диска, в среднем 1 мм (см. рис. 1.5).

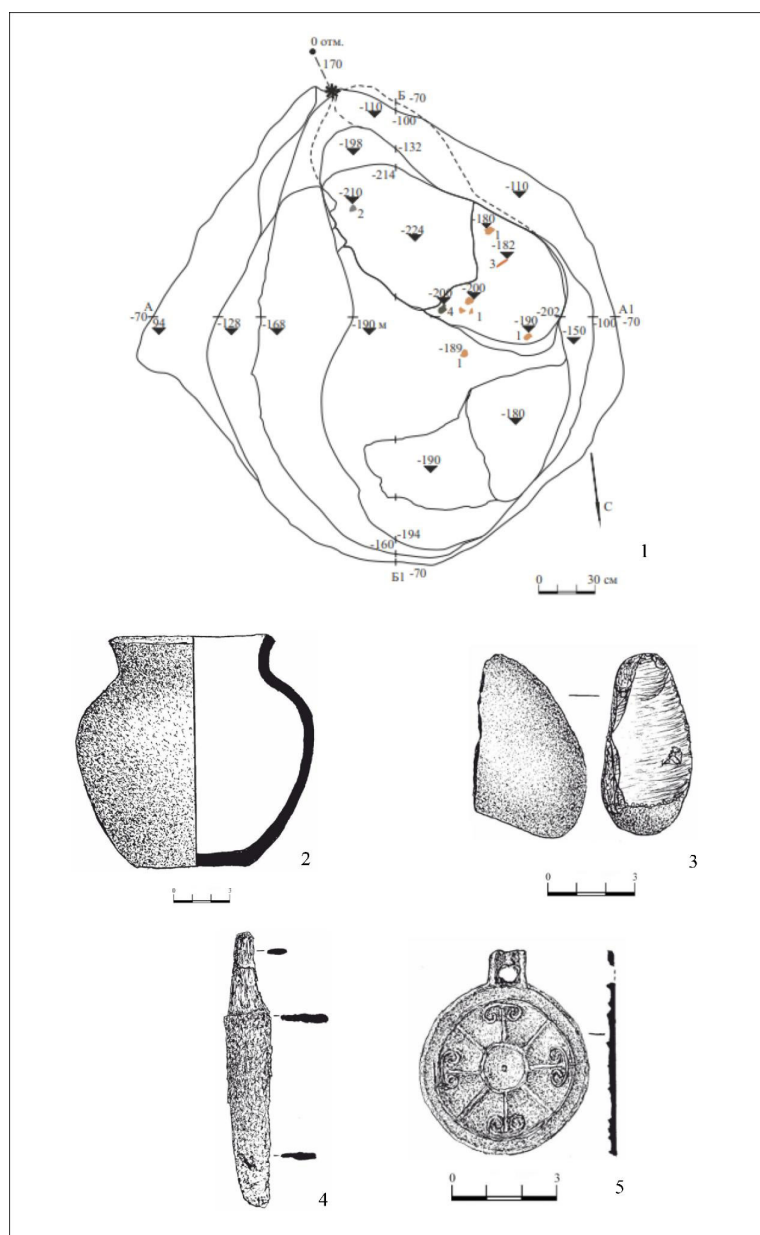

Рис. 1. Позднесарматское погребение кургана № 20 из курганного могильника Писарёвка-II
 1 – погребение [22, рис. 40]; 2 – фрагменты глиняного сосуда [Там же, рис. 42]; 3 – кремнёвое орудие [Там же, рис. 23]; 4 – железный нож [Там же, рис. 44]; 5 – фрагментированное зеркало [Там же рис. 45]

Курган № 22

Погребение № 1. Яма прямоугольная (стенки ямы испорчены грабительским перекопом) ориентирована по направлению север-юг (см. рис. 2.1 на с. 94). Скелет взрослого человека (мужчина до 40 лет) полностью разрушен грабительским перекопом: мелкие фрагменты костей попадались в засыпи ямы на разной глубине [23].

Могильный инвентарь:

1. Фрагменты сероглиняного кувшина круговой работы. Не восстанавливается. Диаметр дна 9,6 см. Тулово хорошо заглажено со следами лощения, на внутренней стороне тулова хорошо видны параллельные горизонтальные широкие линии, оставленные при формовке изделия (см. рис. 2.2 на с. 94). Глина в изломе серая, плотная. Край слегка утолщенного венчика (фрагмент) на высокой горловине направлен наружу, его реконструированный диаметр 14 см, у основания утолщения проходит круговой уступ (см. рис. 2.3 на с. 94).

2. Два фрагмента большой черной глиняной миски круговой работы. Поверхность черепков покрыта плотным слоем белого налета. Глина в изломе темная грубого промеса, с обильной примесью песчинок. Край венчика круто направлен вовнутрь. На крупном фрагменте имеется ровное сквозное отверстие (диаметр 0,5 см) – след ремонта изделия. Реконструированный диаметр венчика 28 см. Размеры крупного черепка – 14,4х4,4 см, размеры второго фрагмента 6,1х3,2 см (см. рис. 2.4 на с. 94).

3. Три обломка железного меча. Меч имел широкий тяжелый клинок, на одной стороне фрагментов которого сохранился слой гнилого дерева от ножен. Длина сохранившейся части клинка 14,2 см, ширина (наибольшая) 5,4 см, толщина клинка (наибольшая) 4,4 см. Небольшой обломок, вероятно, от рукояти меча линзовидный в сечении. На нем – плотный тонкий слой дерева, покрывавший железный штырь рукояти. Размеры: 3,2х4,0х0,8 см (см. рис. 2.8 на с. 94).

4. Бронзовый оконечник тонкого ремня. Представляет собой тонкую пластинку (1 мм) с заостренным концом. На широком, немного утолщенном конце, имеется овальное отверстие (4х3 мм) для крепления пластинки к ремешку. Длина пластинки – 6,2 см, ширина – 0,8 см (см. рис. 2.7 на с. 94).

5. Бронзовая портупейная пряжка – толстое литое кольцо. Поверхность покрыта густой патиной. Диаметр – 3,6 см, диаметр круглого сечения – 0,6 см (см. рис. 2.6 на с. 94).

6. Фрагменты лепного горшка. Глина в изломе черная с обильной примесью мелкобитой ракушки, внешняя поверхность светло-коричневого цвета, внутренняя поверхность темно-серая, сильно закопчена. Венчик короткий, прямой, переходящий в округлое тулово, реконструированный диаметр которого 14 см. Дно прямое, его реконструированный диаметр 10 см (см. рис. 2.5 на с. 94).

7. Фрагменты костей ног барана, крупной птицы и альчик.

Курган № 23

Погребение № 1. Большое пятно могильной ямы прямоугольного очертания с сильно закругленными углами находилось в юго-восточном секторе кургана (см. рис. 3.1 на с. 95). В засыпи ямы и на дне в северо-восточной части собраны фрагменты костей взрослого человека (мужчина 25–30 лет) [Там же].

Могильный инвентарь:

1. Несколько фрагментов сероглиняной миски. Не восстанавливается. Глина в изломе серая, плотная. На фрагменте придонной части миски, со следами копоты, имеется просверленное сквозное отверстие (диаметр 0,4 см) – след ремонта разбитого изделия (см. рис. 3.1 на с. 95).

2. Фрагменты небольшой курильницы ручной лепки. Глина серая в изломе с примесью мелких частиц мела. Ниже края устья на 0,9 см проткнуто с внешней стороны круглое отверстие диаметром 0,7 см. Реконструированный диаметр курильницы 5 см, высота сохранившейся части 3,2 см (см. рис. 3.2 на с. 95).

3. Фрагмент горловины сероглиняного (с обильной добавкой крупниц песка) сосуда. Судя по фрагменту, он происходит от высокой горловины. Край венчика слегка утолщен, направлен наружу, его реконструированный диаметр – 14 см. Ниже края венчика проходила круговая полоса, выполненная тупым кончиком палочки с широким основанием. На расстоянии 0,9 см от неё отмечен отрезок

прямой линии – несколько слабых отступающих наколов прямым основанием, вероятно, того же оружия (см. рис. 3.3 на с. 95).

4. Кость ноги лошади (бабка) обнаружена среди костей человека, рядом с которыми лежал фрагмент нижней челюсти мелкого хищника (лисица?).

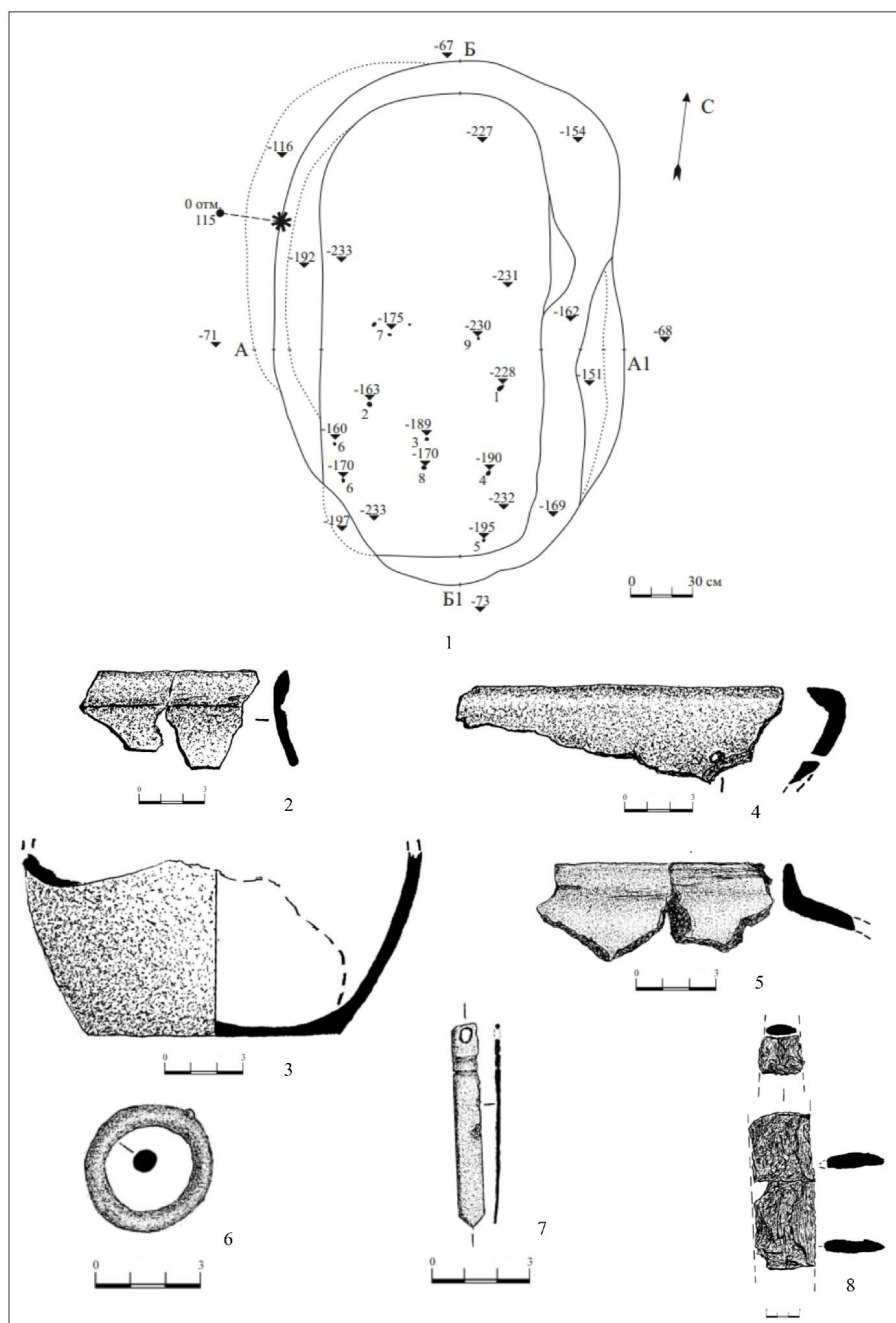

Рис. 2. Позднесарматское погребение кургана № 22 из курганного могильника Писарёвка-II

1 – погребение [23, рис. 12]; 2, 3 – фрагменты глиняного сосуда [Там же, рис. 14];

4 – фрагменты глиняной миски [Там же, рис. 15.1]; 5 – фрагмент лепного сосуда [Там же, рис. 15.4];

6 – бронзовая портупейная пряжка [Там же, рис. 15.3]; 7 – бронзовый оконечник ремня [Там же, рис. 15.2];

8 – фрагменты железного меча [Там же, рис. 16].

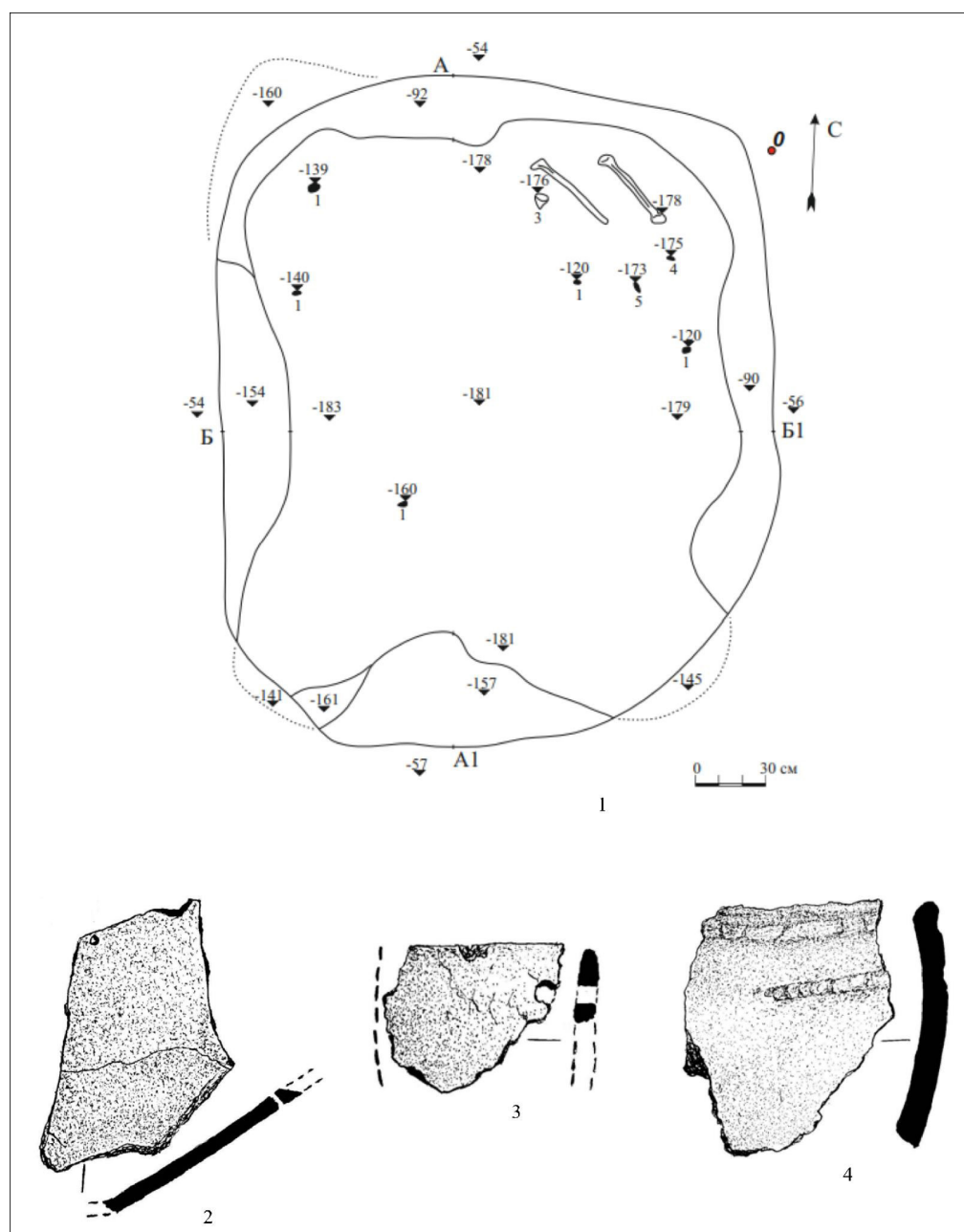

Рис. 3. Позднесарматское погребение кургана № 23 из курганного могильника Писарёвка-II
 1 – погребение [23, рис. 26]; 2 – фрагменты сероглиняной миски [Там же, рис. 28];
 3 – фрагменты глиняной курильницы [Там же, рис. 29]; 4 – фрагменты сероглиняного сосуда [Там же, рис. 30].

Курган № 28.

Погребение № 1. Яма узкая, находилась своей северо-восточной части. Скелет молодого человека (18–20 лет) покоился на спине в вытянутом положении, головой на ЮЮЗ. Кости рук, слегка согнуты в локтях, расставлены в стороны, кисти направлены к тазовым костям. Черепная коробка носит на себе следы преднамеренной искусственной деформации лобно-затылочного типа, смешанного с кольцевым [14] (см. рис. 4.1 на с. 96).

Могильный инвентарь:

1. Кувшин импортный черноглиняный, с округлым туловом и высокой горловиной стоял у левой стопы погребенного, прижатый к западной стенке. Венчик разбит в древности, он утолщен по краю, отогнут наружу. Диаметр венчика – 12 см, высота – 28,4 см, диаметр дна – 11,2 см, диаметр широкой части тулова – 23,6 см. Средняя часть горловины соединена с широким туловом «г»-видной ручкой подтреугольной в сечении. Поверхность тулова, с вертикальной трещиной (лопнула по всей его высоте), темная, покрыта плотными пятнами светло-серых солевых отложений. Несколько выше средней части тулова по сырой глине нанесена круговая горизонтальная линия, проведенная концом широкой палочки. Круговая широкая (1,2 см) линия-уступ проведена, возможно, пальцем, выше края дна сосуда на расстоянии 3,6 см. Дно со слабым прогибом к центру (см. рис. 4.2).

2. Лепной черноглиняный тонкостенный сосуд местной работы стоял рядом с кувшином. Тулово лопнуло косой трещиной от края прямого венчика до дна. Верхняя часть тулова широкая, покрыта полосой сажи, нагара, оно плавно переходит в узкое дно. Диаметр – 11 см, диаметр дна – 7,4 см, высота сосуда – 17,4 см (см. рис. 4.3).

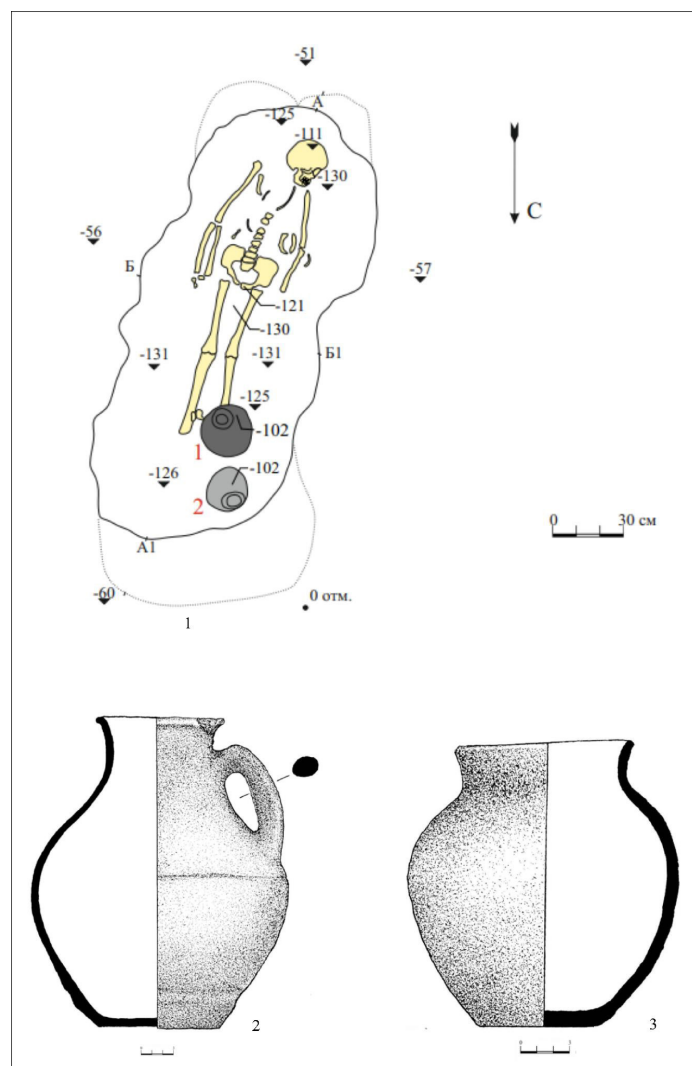

Рис. 4. Позднесарматское погребение кургана № 28 из курганного могильника Писарёвка-II
1 – погребение [14, рис. 46]; 2 – черноглиняный кувшин [Там же, рис. 47];
3 – черноглиняный горшок [Там же, рис. 48].

Анализ необходимо начать с погребальных ям. К сожалению, из-за грабителей не все остались в первоначальном виде, из-за чего определение их точной конструкции и принадлежности к типу конструкции погребальной ямы по типологии А.С. Скрипкина вызвало некоторые затруднения. Так, до конца не ясна первоначальная форма погребения из кургана № 20. С одной стороны, на дне ямы имеется углубление, которое, по предположению В.И. Мамонтова, является «имитацией подбоя с приступкой» [22], что может свидетельствовать о принадлежности к типу I «подбойные ямы» [30, с. 61]. Этому способствует и соответствие размеров длины (1,45 м) и ширины (0,67 м) подбоя для данного типа – длина варьирует от 1,05 до 2,93 м., ширина – от 0,4 до 1,13 м. Однако, это может быть не так. Во-первых, для данного типа характерны узкие входные ямы [30, с. 61; 13, с. 122], здесь же оно широкое, имеет «ромбовидную форму». Во-вторых, рассматриваемая яма имеет «ромбовидную форму», с углами, направленными по сторонам света. Из известных примеров подобная форма встречается у широких ям с заплечиками [Там же, рис. 66.4], чего не было замечено в погребениях с подбоями [Там же, рис. 64.1-3]. Такой внешний вид ямы вполне мог бы служить для её классификации как квадратная или широкая яма (*тип III*), однако этому препятствует данный подбой, который мог быть и побочным продуктом грабежа (сам В.И. Мамонтов не упомянул факт ограбления, но общий вид ямы может свидетельствовать об этом). Учитывая описанные выше факты было принято решение не включать данное погребение в типологию.

Оставшиеся погребения классифицировать можно, определив к двум типам:

1. *Прямоугольно-удлинённые ямы (тип II) (по А.С. Скрипкину) / Узкие прямоугольные ямы (по М.В. Кривошееву)*. Данный тип встречается в погребении кургана № 22 и погребении кургана № 28. Для данного типа характерна простая конструкция без дополнительных сооружений, где ширина в 3–4 раза меньше длины [30, с. 62], или не превышает 40% от длины ямы [13, с. 123]. Представленные погребения незначительно нарушают его – ширина первой ямы 0,8 м при длине 1,8 м (44%) [23], а ширина второй 1,07 м при длине в 2,24 м (47%) [14], но общий вид и сравнение с другими рассмотренными погребениями позволяет отнести их к типу II.

2. *Квадратные или широкие прямоугольные ямы (тип III)*. Представлен погребением из кургана № 23. По замечанию М.В. Кривошеева, к данному типу можно отнести ямы, ширина которых не менее 55% от их длины [13, с. 123], чему полностью соответствует представленное погребение (на уровне дна его ширина 1,96 при длине 2,13 м – 96%) [23].

Таким образом, с учётом вариантов формы погребальной ямы из кургана № 20, все рассмотренные погребения из курганного могильника Писарёвка-II имеют наиболее распространённые в позднесарматское время формы погребальных ям [30, с. 63].

Для анализа костяка доступны останки одного индивида – молодого мужчины из погребения кургана № 28. Его поза характерна для позднесарматского времени – он вытянут на спине с прямыми ногами и руками, расположенными вдоль туловища. В.И. Мамонтов отмечал их лёгкую «согнутость» в локтях [14], однако этого недостаточно для выявления «отклонений от нормы» и определения данной позы к другому типу.

Привлекает внимание нестандартная ориентировка – южная. Для позднесарматского времени характерна именно северная, что отмечают исследователи [13, с. 127; 4, с. 37; 31, с. 211], называя её «одним из главных элементов позднесарматской культуры» [13, с. 127]. Тем не менее, нельзя назвать её «редкой», как западную или восточную. Например, М.В. Кривошеев отметил, что из выбранных им погребений 35,7% имеют южную ориентировку [Там же] (с западной – 4,8%, а восточный – 1,8%) [Там же]. Южная ориентировка – характерный культурный элемент ранне- и среднесарматских культур [31, с. 166], господствующая на всей территории междуречья Волги и Дона в среднесарматское время [7, с. 91], продолжавшая использоваться на позднем этапе существования кочевников. Более того, отмечается, что на раннем этапе позднесарматской культуры она является преобладающей [31, с. 211]. Это символизирует формирование нового «культурного кода» в сарматском обществе, делая данное погребение свидетельством постепенного характера происходивших изменений.

Типичная позднесарматская черта у данного скелета – искусственная деформация черепа. Её тип – лобно-затылочный, смешанный с кольцевым. Данный метод искусственной деформации не является

инновационным открытием, он был определён В.В. Гинзбургом и известен уже продолжительное время [6, с. 572], но, как пишет Е.В. Перерва, преобладающим типом искусственной деформации в Нижнем Поволжье является конкретно лобно-затылочный [28, с. 59]. Описанный переходный/смешанный тип не единственный [Там же], но сам факт его «нетипичности» делает находку особенно значимой.

Могильный инвентарь представленных погребений состоит из нескольких групп источников. Самым распространённым можно считать керамическую посуду, состоящую из 8 предметов.

Дважды найдены кувшины. Первый сероглиняный сосуд круговой формы, из кургана № 22, сохранился не в полном виде – осталась нижняя часть тулова и фрагмент слегка утолщённого венчика. По типологии М.В. Кривошеева, относится к разделу I «круговые», но дальнейшая типологизация невозможна из-за сложности определить первоначальное наличие/отсутствие ручки(-ек), которые и лежат в основе типологизации [13, с. 31].

Отлично сохранился кувшин из кургана № 28. По своей форме он соответствует типу III, отдел Б, подраздел I, раздел I из типологии кувшинов А.С. Скрипкина – круговой сероглиняный одноручный кувшин с туловом биоконической формы, с большим диаметром посередине, невысоким воронкообразным горлом и петлевидной плоской в сечении ручкой [30, с. 24–25; рис. 4.1–3]. Сам же В.И. Мамонтов описывал ручку кувшина как подтреугольная в сечении «г»-видная ручка, а кувшин назвал «черноглиняным» [14]. Из типологии М.В. Кривошеева данный кувшин подходит к типу 14 отдела Б раздела I [13, с. 33; рис. 12.2, 12.3]. Согласно А.С. Скрипкину, кувшины типа III являются самыми распространёнными в позднесарматское время [30, с. 25–27]. В.И. Мамонтов считал, что данный кувшин был импортным [14], и, согласно исследованию М.Г. Мошковой, центром импорта могли быть Нижний Дон, Прикубанье и Северный Кавказ [25, с. 45–47]. В.И. Мамонтов датирует его II–III вв. н. э. [14]. А.С. Скрипкина датирует точнее – вторая половина II – середина III вв. н. э. [30, с. 50]. М.В. Кривошеев конечной границей определил первую половину III в. н. э. [13, с. 77].

Были найдены несколько глиняных горшковидных сосудов ручной лепки, два из которых сохранились в изначальной форме. Один из таких происходит из кургана № 20 – тонкостенный, имеет широкое тулово и уплощенное дно, а его короткая горловина заканчивается широким венчиком, край которого направлен наружу [22]. Своей формой он близок к типу 3 вар. Б (раздел II, отдел А) классификации М.В. Кривошеева – «вытянутые – тулово биконическое, наибольший диаметр в средней части. Средней высоты. Горло средней высоты, воронкообразное» [13, с. 40; рис. 26.4]. Исследователь отметил, что горшки подобной формы известны еще до позднесарматского времени и продолжают встречаться даже после сер. III в. н. э. [Там же, с. 86].

Второй найден в ногах у погребённого из кургана № 28 – тонкостенный сосуд с широким туловом в верхней части, плавно переходящим в узкое дно [14]. По М.В. Кривошееву, он близок к типу 1 вар. Б (раздел II, отдел А) [13, с. 39; рис. 25.4]. В.И. Мамонтов датировал его II–III вв. н. э. [14], М.В. Кривошеев сузил границы – первая половина II – сер. III в. н. э. [13, с. 85].

Остальные сосуды фрагментарны. От сосуда из погребения кургана № 22 сохранился фрагмент короткого прямого венчик, переходящий в округлое тулово (В.И. Мамонтов также упоминает небольшой фрагмент прямого дна) [23], а из кургана № 23 – фрагмент горловины сероглиняного сосуда, который, по мнению В.И. Мамонтова, происходит от высокой горловины [Там же]. Определить их тип невозможно.

В двух погребениях обнаружены фрагменты мисок. Из погребения кургана № 22 происходят останки большой чёрноглиняной миски круговой работы – часть венчика. Сохранившихся фрагментов недостаточно для типологизации находки, но форма края венчика близка к типу IX из классификации позднесарматских мисок А.С. Скрипкина [30, с. 30; рис. 11.9] или к типу 3 вар. А М.В. Кривошеева [13, с. 48; рис. 40.1]. Сложнее дело обстоит с фрагментами миски из кургана № 23. Это стенка сероглиняной миски, и по форме она подходит практически ко всем типам из классификации М.В. Кривошеева [Там же, с. 47–49; рис. 38–40], поэтому определить точный тип не представляется возможным. Как пишет М.В. Кривошеев: «Миски часто использовались в погребальном обряде кочевников позднесарматского времени. Они составляют 20% от общего количества найденной керамики. Этот факт мо-

жет свидетельствовать о их высокой популярности среди степного населения» [13, с. 47]. Что же касается датировки находок, если предположение о принадлежности миски из кургана № 22 верно, то её можно датировать просто «позднесарматским временем», т. к. «подобные миски встречаются на всех этапах позднесарматской культуры» [Там же, с. 92]. Датировка второй миски не представляется возможным.

Из глиняных изделий были найдены фрагменты «небольшой курильницы ручной лепки» [23] в погребении кургана № 23. Судя по чертежу В.И. Мамонтова, она имела кубическую форму [Там же], что позволяет отнести её к типу 2 по классификации А.С. Скрипкина и М.В. Кривошеева [30, с. 30; рис. 11.18-25; 13, с. 48, рис. 39.10-13]. Данный предмет часто встречается в сарматских памятниках и, предположительно, применялся для воскуривания благовоний или одурманивающих веществ в процессе отправления домашних культов [Там же, с. 49]. Как заметил М.В. Кривошеев, подобные кубические курильницы «подквадратной» формы характерны для всего позднесарматского времени [Там же, с. 94].

Оружие представлено тремя обломками железного меча. По сохранившимся фрагментам реконструировать форму меча и определить его к конкретному типу не представляется возможным.

Сохранившиеся элементы портупейного набора были найдены в погребении кургана № 22. Круглая бронзовая портупейная пряжка в виде толстого литого кольца. У находки отсутствует язычок и другие элементы, из-за чего определить её к конкретному типу в типологии не представляется возможным. Однако по форме кольца она схожа с пряжками типа П2а из типологии М.В. Кривошеева [Там же, с. 53; рис. 45.2-3].

Второй сохранившийся элемент – бронзовый оконечник тонкого ремня. В отличие от пряжки, он имеет явную морфологическую особенность – треугольная форма нижней части, что позволяет с уверенностью отнести его к типу Н3а по типологии М.В. Кривошеева [Там же, с. 55; рис. 47.5] и датировать концом II – первой половиной III вв. н. э. [Там же, с. 128].

Часто в позднесарматских погребениях встречаются зеркала [30, с. 33; 13, с. 49; 26, с. 2000]. Одно из таких было найдено в погребении кургана № 20. Её характерной особенностью является материал производства – белый металл, по предположению В.И. Мамонтова, серебро [14]. По замечанию М.Г. Мошковой, такие зеркала встречаются «очень редко» [26, с. 200], а характерным металлом была бронза. Это зеркало-подвеска с боковым ушком и орнаментом на обратной стороне, которое можно отнести к отделу «Зеркала-подвески с боковым ушком» типу II «с орнаментом или тамгообразными знаками с обратной стороны» по типологии бронзовых зеркал А.С. Скрипкина [30, с. 34; рис. 13.7–16]. Такая форма, как отмечала М.Г. Мошкова, была наиболее характерной для той эпохи, «нередко входившие в состав ожерелий и выполнявшие роль амулетов» [27, с. 98], а сама территория, где было найдено зеркало, «север междуречья Волги и Дона», одна из самых богатых на них [Там же]. Что касается самого орнамента, по внешнему виду он напоминает колесо – состоит из двух кругов, внутреннего и внешнего, соединённых между собой 8-ю прямыми линиями, 4 из которых, направленные в соответствии со сторонами света, заканчиваются двумя волутами. Максимально схожий орнамент найден у бронзового зеркала-подвески из погребения 139 второй половины III в. н. э. [32, с. 61, 376] могильника Нейзац (Крым) [33, рис. 280.30], за тем исключением, что в орнаменте крымской находки волуты лишь слегка согнуты, в то время как у писарёвской находки волуты имеют форму спирали.

Среди исследователей ведутся дискуссии по вопросу генезиса данных зеркал, где отстаиваются гипотезы их алтайско-северокитайского происхождения с одной стороны и северокавказского с другой [5, с. 171–172]. В сарматских погребениях Нижнего Поволжья в разные этапы её существования встречаются предметы из обоих регионов, как, например, северокавказская сероглиняная и чернолощеная гончарная керамика [11, с. 161] или «китайское» кольцевое навершие у клинкового оружия [10, с. 4–5], что подтверждает активные связи между ними и делает возможным проникновение формы зеркала из каждого. Однако, существует пара деталей, способных дать более точный ответ на вопрос.

Для начала рассмотрим модель В.Ю. Кононова в отношении проникновения и развития сарматских зеркал-подвесок на территорию Боспорского царства, согласно которой существовало несколько

ко этапов их эволюции. Один из таких (вторая половина II в. – начало III в.), сочетающийся с датировкой писарёвского зеркала (II–III вв. н. э. [13, с. 94–95]), напрямую связан с китайским орнаментальным влиянием, моду на которую принесли пришедшие из-за Урала во второй половине II в. волна аланов, контактирующих с Китаем [12, с. 262–263]. Учитывая высокую степень общего влияния китайской культуры на сарматскую, схожие датировки, а также широту межплеменных связей в сарматском мире и наличии таких же зеркал с явно подражающими китайской традиции орнаментами из близлежащих регионов (Нижнее Подонье, Прикубанье, Северный Кавказ) [8, с. 149], можно предположить, что и писарёвское зеркало стало таковым из-за «китайской моды».

Вторым аргументом в пользу этого служит материал производства – «белый металл». Данные о радиоуглеродном анализе зеркала отсутствуют, однако, согласно исследованию И.Г. Равича, материалом зеркала была «белая бронза», созданная при помощи добавленного олова и иногда других примесей, что совпадает с китайскими зеркалами [29, с. 157, 162]. К тому же, их наиболее ранние прототипы происходят из тагарских погребений Южной Сибири [Там же, с. 157]. Исследователь пришёл к заключению, что сарматы на базе сибиро-китайских форм создавали «изделия собственных типов» [Там же, с. 162]. И основываясь на представленных аргументах можно заключить, что своё появление рассматриваемое зеркало обязано китайской культуре.

Таким образом, изучение позднесарматского комплекса курганов из курганного могильника Писарёвка-II позволяет расширить знания о заключительном этапе пребывания сарматов в Нижнем Поволжье. Комплекс рассмотренных погребений содержит в себе элементы, характерные для позднесарматского времени – преднамеренная деформация черепа, узкие и широкие погребальные ямы, соответствующий времени погребальный инвентарь. Однако вместе с ними были выявлены редкие особенности эпохи – южная ориентировка погребения, смешанный тип деформации, а также зеркало редкого, по материалу создания, типа, чей орнамент не имеет аналогов в регионе. Благодаря погребальному инвентарю можно определить датировку всего изученного писарёвского позднесарматского комплекса – II–III вв. н. э.

Литература

1. Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / под ред. С.М. Орешникова [и др.]. М.: Сов. Россия, 1971. С. 121–132.
2. Битюшкова А.А. Сарматские украшения из курганного могильника «Вербовский I» // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2019. № 3(26). С. 35–41. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1559132826.pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
3. Битюшкова А.А. Серебряные и бронзовые сосуды из среднесарматских погребения Нижнего Поволжья // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2021. № 3(38). С. 21–24. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1623319311.pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
4. Буратаев Е.Г. Позднесарматские погребения курганной группы Кермен Толга // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 32–53.
5. Вагнер Е.В. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Религиоведение. Международные отношения. 2012. № 1(21). С. 168–176.
6. Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья // МИА. 1959. № 60. С. 524–595.
7. Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2005.
8. Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории Юга-Восточной Европы // Российская археология. 1995. № 3. С. 143–156.
9. Засецкая И.П. Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н. э. – начало II в. н. э.). Симферополь: Антика, 2019.
10. Захаров С.В., Гущина А.А. К вопросу о сарматском оружии с кольцевым навершием // Электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ «Грани познания». 2024. № 4(93). С. 4–7. [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1728575698.pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Клепиков В.М. Восточные и Западные керамические импорты в погребениях раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Религиоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 159–168.

12. Кононов В.Ю. Орнаментированные зеркала-подвески с боковой ручкой (хронология, мода и влияние) // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути товары отношения: материалы междунар. науч. конф. (г. Керчь, 22–25 мая 2017 г.). Керчь: ООО «Соло-Рич», 2017. С. 259–265.
13. Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации: дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005.
14. Мамонтов В.И. Отчёт о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник Писарёвка II» в Иловлинском районе Волгоградской области в 2018 г. // Архив НИИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
15. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 1999 г. // Архив НИИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
16. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2000 г. // Архив НИИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
17. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2001 г. // Архив НИИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
18. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2004 г. // Архив НИИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
19. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции лаборатории археологии и реставрации НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2008 г. // Архив НИИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
20. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2014 г. // Архив НИИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
21. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2015 г. // Архив НИИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
22. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2016 г. // Архив НИИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
23. Мамонтов В.И. Отчёт о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2017 г. // Архив НИИАЛ им. В.И. Мамонтова ФГБОУ ВО «ВГСПУ».
24. Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Писарёвка II // Нижневолжский археологический вестник. 2002. № 5. С. 251–259.
25. Мошкова М.Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 45–52.
26. Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 191–202.
27. Мошкова М.Г. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М.: Вост. лит., 2009.
28. Перерва Е.В. Преднамеренная искусственная деформация у населения позднесарматского времени (палеопатологический аспект) // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 4. С. 57–71.
29. Равич И.Г. Особенности состава и технологии изготовления миниатюрных сарматских зеркал из «белой бронзы» // Российская археология. 1995. № 3. С. 157–164.
30. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 1984.
31. Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017.
32. Храпунов И.Н. Могильник Нейзац (II–IV вв. н. э.): в 3-х т. Севастополь: Крымский федерал. ун-т им. В.И. Вернадского, Симферополь, 2025. Т. 1.
33. Храпунов И.Н. Могильник Нейзац (II–IV вв. н. э.): в 3-х т. Севастополь: Крымский федерал. ун-т им. В.И. Вернадского, Симферополь, 2025. Т. 2.

SERGEY ZAKHAROV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE LATE SARMATIAN BURIALS OF THE BURIAL MOUND PISAREVKA II

The results of studying the burials of the late Sarmatian period of the Lower Volga burial mound Pisarevka II are demonstrated.

The burial constructions, the skeletons of the buried and the burial equipment of the studied funerals are classified.

The features, that are rare and specific for this period, are revealed. There is given the general dating of the considered complex.

Keywords: *the Sarmatians, late Sarmatian culture, the Lower Volga region, classification, burial construction, skeleton of buried, funeral equipment.*